

- [Елена Михалкова](#)

Елена Михалкова

Мужская логика 8-го Марта

На входную дверь повесили колокольчик, и, когда очередной сотрудник фирмы «Вересаев и компания» заходил в здание, колокольчик тот звонил тоненько и нежно. Сначала входящий слышал звон, затем попадал в настоящий цветник – по всему вестибюлю расставили хризантемы в прозрачных вазах, – и напоследок его приветствовала секретарша Анжелика, которая сама была, словно букет и колокольчик.

– Доброе утро! – мелодично здоровалась Анжелика, отмечая про себя, кто из дам сделал новый макияж, кто – прическу... – Здравствуйте, Макар Андреевич! Ой, как приятно, Анатолий Иванович! Спасибо, спасибо...

И все вместе – колокольчик, цветы в комнатах и коридорах, очаровательная Анжелика, мило краснеющая от комплиментов, – настраивало сотрудников на радостный, праздничный лад, как и задумывал Степан Степанович Вересаев. А его подчиненные прекрасно знали, что для шефа есть только два важных корпоративных праздника – Новый год и Восьмое марта, и всячески старались соответствовать ожиданиям начальства. Впрочем, делать больших усилий не приходилось даже тем, кто не любил Международный женский день, поскольку праздник всегда проходил весело – с подарками, традиционным вечерним банкетом – и притом легко и необременительно. Консалтинговая фирма «Вересаев и компания» была небольшой – в ней работало около двадцати пяти человек, – и демократичный стиль общения, выработавшийся в компании за восемь лет ее существования, не допускал длинных занудных тостов за столом, банальных подарков дамам вроде туалетного набора из пяти кусков душистого мыла, скуки за салатами оливье и традиционных пожеланий женщинам «цвести и пахнуть, как это мыло».

Людочка Ерофеева, за глаза частенько называемая Рюшка, впорхнула в кабинет.

– Привет, девочки!

«Девочки», уткнувшиеся в бумаги, отозвались нестройным хором: несмотря на размах праздника, день считался рабочим, и позволить себе «филонить» никто не мог. А потому на Людочку с ее новой укладкой – завитушки по всей голове, а со лба свисает увесистая баранья кудряшка – не обратили того внимания, на которое она рассчитывала.

– Ну девочки... – жалобно протянула Людочка. – Я старалась, причепурилась...

– Начепурилась, а не причепурилась. – Пожилая Инга Андреевна не упускала случая ткнуть Людочку носом в какую-нибудь ошибку.

Самой Инге Репьевой, даме суровой, как гинеколог с тридцатилетним стажем, и в голову не пришло бы украшать себя так, как любила Ерофеева: на юбке – сплошные рюши, под горлышком шелковой голубой блузки – огромный бант, и ко всему прочему кудряшки на голове. Безвкусица, одним словом. Инга Андреевна бросила короткий взгляд на свое отражение в оконном стекле и дернула уголок рта, что означало у нее полное довольство своей внешностью. Серебристый брючный костюм, строгая блуза, на голове прическа – короткое светлое каре... Единственным намеком на праздник был золотой браслет – витой, тяжелый.

– А мне нравится «причепурилась», – задорно возразила Людочка, – так моя бабушка говорила!

– Ваша бабушка, судя по вашим воспоминаниям, еще говорила «покладу», – покосившись на Рюшку из-под очков, напомнила Инга. – Надеюсь, вы не собираетесь насиловать наш слух этим словом?

Оля Земко не сдержалась и фыркнула, заслужив укоризненный взгляд от Людочки, недоуменный – от Инги и насмешливый – от Маргариты Анатольевны. Всем троим Оля ответила широкой улыбкой, так как прекрасно знала: и язвительное ворчание Репьевой, и видимая обида Людочки – лишь ритуал, регулярно повторяющийся в различных вариациях.

– Банкет начнется в четыре, – сказала Оля. – Анжелика говорит: Рекуров заказал какой-то немислимый торт. Эх, а мне нельзя!

Она с сожалением погладила себя по животу и подтянула брюки. Брюки были удобными, купленными в специальном магазине для беременных, но живот рос, как на дрожжах, и резинка время от времени съезжала с пояса (назвать это место талией у Оли не поворачивался язык).

Людочка хихикнула – не потому, что Земко сказала что-то смешное, а потому, что хихиканье было обычной реакцией Ерофеевой на любую фразу. Инга Андреевна поморщилась: она считала детей существами сродни гусеницам, то есть противными и в массе своей вредными, а прямые упоминания о беременности – неприличными. Беременность тридцатилетней Оли Земко вызывала у нее раздражение, но Репьева, как воспитанный человек, скрывала его. Во всяком случае, думала, что скрывает.

– Съешь кусочек и не бери в голову, – посоветовала Маргарита

Анатольевна. – Ничего с тобой не случится.

– Все современные торты – сплошная химия, – словно между делом буркнула Инга Андреевна. – Вы, Маргарита Анатольевна, посоветовали, не думая, а Ольге Сергеевне потом ребенка лечить от диатеза.

– У меня, Инга Андреевна, в лечении детей от диатезов опыт все же побольше, чем у вас, – невозмутимо парировала Безинская. – Поэтому кто из нас говорит, не думая, – большой вопрос.

Дамы метнули друг в друга любезные взгляды, и Оле Земко показалось, что документы на столе между ними задымились. Однако Репьева не рискнула продолжать беседу и углубилась в договор. Оля ее понимала: Маргарита Анатольевна Безинская была женщиной незаурядной, и вступать с ней в полемику осмеливался не каждый. Высокая шатенка европейского вида, стильная сорокатрехлетняя Безинская выглядела лет на тридцать пять, но никогда не скрывала ни реальный возраст, ни то, что своей внешностью обязана не только природе, но и хорошим косметологам. Она была женственна, умна от природы, умела производить впечатление как исключительно воспитанной особы, так и очень вульгарной, но и за крепким словом в карман не лезла, и обладала страстью к коллекционированию мужей.

Мужей у Маргариты Анатольевны было четыре, и все – бывшие. Каждого из них она нашла, когда потенциальные мужья зарабатывали на жизнь несложным физическим трудом с незначительными вкраплениями умственного, и только последний на момент их встречи трудился учителем в школе. Попав в нежные руки Безинской, мужья начинали проявлять такие качества, каких никто от них не ожидал, в частности, деловую смекалку. С подачи жены каждый из них либо уходил в бизнес, либо пробивался на выбранной стезе, как, например, последний супруг, в результате их брака возглавивший частную школу.

Добившись от мужей успеха, Маргарита Анатольевна теряла к ним интерес, оставляла их на гребне карьеры, а сама уходила в «свободный полет». С бывшими супругами она сохраняла хорошие дружеские отношения, а свою единственную дочь, пятнадцатилетнюю Аллу, рожденную от второго мужа – изначально бригадира в ЖЭУ, затем – директора сети цветочных магазинов, – Безинская растила в любви и строгости.

– Маргарита Анатольевна четырех мужиков вывела в люди! – восхищенно отзывалась о Безинской уборщица. – Вот это женщина, вот это я понимаю!

Сила обаяния Безинской была такова, что даже безобидный

толстенький Толя Горошин, счастливо женатый лет двадцать, на новогодней вечеринке, выпив лишний бокал шампанского, принялся ухаживать за Маргаритой Анатольевной, чем тронул ее до глубины души. Обычно с мужчинами Безинская не церемонилась, но Толю пожалела и отщутилась, сказав, что врожденные комплексы не позволяют ей встречаться с мужчинами ниже ее ростом.

Сегодня Безинская была в сером облегающем трикотажном платье. «На мне оно смотрелось бы как на арбузе», – подумала Оля Земко, разглядывая стройный силуэт Маргариты Анатольевны. «Простенько как-то. Незамысловато», – критично оценила коллегу Людочка Ерофеева. «Кого собралась совращать, милочка? – хмыкнула про себя Инга Андреевна. – У нас дворников не водится...»

Дверь распахнулась, и в комнату аудиторов ввалился, споткнувшись на пороге, Анатолий Иванович Горошин, которого называли Толей, или, ласково, за глаза, Горошком. Анатолий Иванович был единственным мужчиной в женской компании кабинета номер пять, причем опекаемым всеми дамами. Он был услужлив, до смешного галантен и неуклюж. Горошин носил круглые очки, которые с завидным постоянством терял, и тогда вся фирма стояла на ушах, потому что без очков Анатолий Иванович становился беззащитен, как крот на дороге. Даже суровая Инга Андреевна в таких случаях подключалась к поискам. Восемнадцатилетний Макар Илюшин, помощник юристов, называл суматоху вокруг очков Горошина коллективным помешательством, однако сам несколько раз находил очки-окуляры в таких местах, что окружающие только диву давались, как они туда попали. Три недели назад Макар отыскал их в цветочном горшке с фикусом. После этого возмущенная общественность пригрозила Горошину, что заставит его носить линзы, и испуганный Толя стал внимательнее следить за своими очками.

Жизнь кабинета номер пять развлекала всю фирму, поскольку о каждом из его обитателей можно было вволю посплетничать. К тому же отношения между дамами были далеки от дружеских, несмотря на видимость нейтралитета, и группу аудиторов не раз называли серпентарием, сочувствуя Анатолию Ивановичу.

Однако любой сотрудник консалтинговой фирмы «Вересаев и компания» знал, что в кабинете номер пять сидят отличные аудиторы. И недалекая Людочка, и загадочная Маргарита Анатольевна, и веселая Оля Земко, и язвительная старуха Инга, и вечно спотыкающийся Горошин – каждый из них был профессионалом, которого Вересаев ценил и оберегал. Макар Илюшин не раз удивлялся, особенно глядя на Людочку с ее

бантиками-оборочками, беспрестанно подхихикивающую и говорящую глупости. Он так и не смог разобраться, прикидывается Ерофеева дурочкой или нет, но если Людочка и притворялась, то весьма талантливо.

– С праздником! – торжественно провозгласил Горошин. – Какая красота внизу... А я сегодня собираюсь подарок Вере Михайловне купить.

– Да, ведь у вашей жены сегодня день рождения! – вспомнила Оля Земко. – Какой подарок выбрали, Анатолий Иванович?

– Не просто день рождения, а юбилей! Очень красивую вещь я ей присмотрел, – застенчиво улыбнулся он. – После обеда куплю.

– А нам покажете? – капризно спросила Людочка.

– Обязательно, Люда, обязательно! Как же я без вашего мнения? Никак, право слово, совершенно никак.

Он снова улыбнулся, помялся возле стола, достал бумаги из портфеля и усердно принялся за работу. Однако через пять минут в дверь постучали, и в приоткрывшейся щели показалась вихрастая белобрысая голова Макара Илюшина.

– Анатолий Иванович, доброе утро! Вы меня искали?

– Искал, Макар, искал, – засуетился Горошин. – Куда же я ее.... – Он принялся рыться в портфеле, беспорядочно выдвигать ящики стола, потом снова окунулся в портфель. – Ага, вот она!

С довольным видом Анатолий Иванович достал серую потрепанную книжку и протянул Илюшину.

– Здесь те рассказы, которых вы не читали.

– Честертон? – вздернула брови Инга. – Читиво?

– Что вы, Инга Андреевна! – обиделся Макар. – Честертон – не читиво, а детективная литература.

На лице Репьевой явственно отразилось, что она думает о детективной литературе вообще и о Честертоне, в частности.

– Да-да, – поддержал парня Горошин. – Зря вы недооцениваете этого писателя. Мы с Макаром недавно беседовали за обедом о нем и пришли к выводу...

– Расскажите мне о своих выводах в другой раз, пожалуйста, – попросила Репьева. – У меня много дел.

– Конечно-конечно, – смутился Анатолий Иванович. – Я только хотел сказать, что не хуже Эдгара По... хотя куда более надуманно... как мне кажется...

Он окончательно смешался и виновато взглянул на Илюшина.

– Большое спасибо, – улыбнулся тот, забирая книгу. – Потом обсудим, хорошо?

– Обязательно! – горячо заверил его Анатолий Иванович. – Жду, когда вы прочтете.

– Хороший мальчик этот Макар, – мягко сказала Безинская, когда за Илюшиным закрылась дверь. – Славный и умный.

– Присматриваетесь? – не сдержалась Инга Андреевна.

Рюшка радостно хихикнула из своего угла.

– У него и без меня все получится, – пожала плечами Маргарита Анатольевна. – К тому же я предпочитаю брюнетов.

– Ну, значит, за мальчика мы можем быть спокойны, – удовлетворенно подвела итог Репьева и нежно улыбнулась Безинской.

Спустя час после окончания обеда Анатолий Иванович Горошин вернулся в офис. Когда он входил в кабинет, лицо у него было счастливое и одновременно чуточку встревоженное. Едва не споткнувшись на ровном месте, Горошин вышел на середину комнаты, заговорщически оглядел своих дам и театральным шепотом объявил:

– Купил!

Вид у него был такой возбужденный, что даже Инга Андреевна поняла, о чем речь.

– Подарок! – взвизгнула Людочка. – Ой, покажите, покажите, вдруг мы решим, что вашей жене он не понравится! Тогда мне подарите!

Окружив Горошина плотным кольцом, четыре женщины смотрели, как он достает из-за пазухи длинную бархатную коробочку. Анатолий Иванович открыл ее, и Людочка с Олей ахнули. На черном бархате лежало ожерелье из белого золота – переплетающиеся ветки, на которых поблескивали капли.

– Ну как? – встревоженно-обеспокоенно спросил Горошин.

– Очень красивое, – проговорила Безинская, проглотив замечание о том, что такое ожерелье подходит Вере Михайловне как корове седло.

– Бриллианты? – выдохнула Рюшка.

– Бриллианты, – вздохнул Горошин, разглядывавший ожерелье с не меньшим восхищением, чем женщины. – Весь годовой бонус на него ушел, да еще и то, что я с сентября откладывал из зарплаты. Но изящно, правда?

– Правда! – хором подтвердили три дамы, не сводя глаз с украшения. Одна промолчала.

– Жду не дождусь, пока банкет закончится, – признался Горошин. – Баловство, конечно, все эти ваши драгоценности, но так хочется жену порадовать! Сорок пять лет... Эх!

Он вздохнул о чем-то своем, вынул ожерелье из коробочки и,

оглядевшись, взял со стола плотный бумажный конверт, в который и опустил сверкающую змейку.

– Зачем так? А как же коробочка? – удивилась Оля Земко.

– Не нравится она мне, – поморщился Анатолий Иванович. – Безвкусица, по-моему – бархат, черный... У меня дома уже припасен футляр, в него и переложу.

Он отвернулся и спрятал конверт с ожерельем в портфель. Дамы постояли, чувствуя себя немного обманутыми, а затем разошлись по местам.

Дверь снова распахнулась, и к аудиторам заглянула секретарша Анжелика.

– Девочки! – нараспев позвала она. – Только вам, по секрету: привезли торт! Вы себе не представляете... Двухэтажный, с башенкой наверху!

Оля Земко и Людочка живо вскочили с мест. Маргарита Анатольевна, поколебавшись, пошла за ними.

– Инга Андреевна, а вам неинтересно, что Вересаев заказал на этот раз? – спросил Горошин между делом.

Репьева высокомерно взглянула на него.

– Всю жизнь не была зевакой и не собираюсь начинать меняться, – отрезала она. – К тому же торт выставят на банкете, а уж увижу я его на два часа раньше или позже, роли не играет.

Анатолий Иванович согласно кивнул.

– С осени будут искать новую секретаршу? – спросил он спустя пару минут, не отрывая взгляда от документов.

– С чего вы взяли?

– Мне показалось, Анжелика Романовна... э-э-э... готовится стать мамой. Разве нет?

– Мамой? – переспросила Репьева, вызывая в памяти образ секретарши. – Вы хотите сказать...

Но Горошин уже погрузился в работу, и невысказанный вопрос Инги Андреевны, не от начальника ли понесла девица, не заметил. Подумав, Репьева поднялась с места.

– Пойду, пожалуй, пройду, – объяснила она, хотя в этом не было необходимости: Анатолий Иванович сосредоточенно перерывал бумаги.

– А? Да-да, – рассеянно отозвался он. – Конечно.

Инга Андреевна неторопливо вышла из кабинета и припустила на первый этаж, в банкетный зал, где дамы восторгались тортом.

После возвращения в кабинет ни о какой работе речи идти не могло:

вид сказочного торта с розовым замком из творожного крема окончательно настроил всех на нерабочий, праздничный лад.

– Вересаев противный, – говорила Людочка, подкрашивая ресницы перед зеркалом. – Столько калорий! Я поправлюсь на два килограмма!

– В вашей фигуре, милая Люда, два килограмма ничего не изменят, – сообщила ей Инга Андреевна.

Ерофеева задумалась, как стоит ей расценивать слова старухи, и пришла к выводу, что это комплимент ее фигуре.

– Да, я в маму хорошо сложена, – согласилась она. – Ой, Маргарита Анатольевна, у вас новая помада!

– Анатолий Иванович, а вы все работаете? – участливо спросила Оля Земко у толстячка, склонившегося над грудой бумаг. – А у нас уже одни помады и наряды в голове.

– Это правильно, Оленька, так и должно быть, – отозвался Горошин, протирая очки и быстро моргая слезящимися глазами. – А я просто старый перестраховщик. У клиентов возникли проблемы по прошлым периодам... За две тысячи четвертый год. А я как чувствовал, что будет там засада, в этом две тысячи четвертом, будет! Теперь перепроверяю все по пять раз.

– Да отдохните вы, Анатолий Иванович, расслабьтесь! – Людочка покрутила кудряшку на голове и радужно улыбнулась: завиток был такой же тугой, как и утром. – Между прочим, вы знаете, что нас скоро будут расширять? Говорят, Вересаев хочет еще двух аудиторов взять и начальника отдела назначить. Маргарита Анатольевна, так что у вас за помада?

Она обернулась к Безинской, но та стояла, задумавшись, и вопроса Людочки не услышала.

– Что, Люда? – переспросила она наконец. – Ах, помада? Честно говоря, не помню...

Она достала из ящика толстую папку и начала быстро ее пролистывать. Людочка с Олей Земко переглянулись, Оля пожалала плечами: чтобы Безинская да не помнила марку помады?! Странно. Должно быть, просто не хочет с Ерофеевой общаться.

– К юристам взяли помощником Илюшина, – вспомнила Земко. – И у аналитиков со следующей недели новая девочка выходит на работу. Я ее видела – красавица! Схожу, пожалуй, к ним, посмотрю, что у них делается. Все равно мне сегодня больше не работается.

– Ох, и мне. – Инга Андреевна встала, потянулась, поправила бюстгет. – Скорее бы банкет, что ли... Устанешь ждать.

В коридоре послышался смех, цоканье каблучков. Время банкета приближалось, и все к нему готовились, помня о том, что второй большой

корпоратив выпадет только на Новый год.

К четырем сотрудникам собрались в зале, который называли банкетным. Однако в действительности длинный кабинет служил и переговорной комнатой, и комнатой отдыха. Вокруг стола, уставленного закусками, слышались оживленная болтовня и смех. Сам Вересаев с исполнительным директором Рекуровым задерживались, и сигнала к началу праздника не было дано, поэтому присутствующие только облизывались на салатики, а кое-кто из особенно проголодавшихся, вроде Макара Илюшина, незаметно утащил кусочек свежей семги, лоснящейся на блюде.

– Не понимаю, зачем каждый год еще и мужчин поздравлять на Восьмое марта? – Людочка кокетничала с бородатым юристом Славой, стреляя глазками и беспричинно поправляя пышный бант.

– Не поздравлять, а компенсировать их моральные страдания, – гудел Слава, искоса поглядывая на элегантную Безинскую. – Шеф понимает, как тяжело нам приходится в этот день, вот и проявляет сочувствие.

Воздух пах хризантемами, и витало в нем кокетство, ожидание праздника, смех...

– Вино, между прочим, отличное.

– Ты уже успел попробовать?

– Обижаешь! Донесу до дома, иначе Маринка устроит мне светлую жизнь!

– Вижу, Павел Аркадьевич, жена вас под каблуком держит?

– Инга Андреевна, с ним иначе нельзя. Сопьется.

Один человек из сидевших вокруг стола улыбался, прислушивался к невинной болтовне, сам поддерживал ничего не значащий разговор и внешне был совершенно спокоен. Он и внутренне был почти спокоен, но ожидание не давало ему расслабиться. Расслабляться было нельзя, потому что скоро...

В кабинет вошел Степан Степанович Вересаев, за ним – исполнительный директор. Женская часть коллектива фирмы «Вересаев и компания» заулыбалась, мужчины машинально выпрямили спины – в присутствии Вересаева всем хотелось приосаниться и продемонстрировать боссу армейскую выправку. Степан Степанович был высок, крепок, смугл, совершенно сед в свои сорок четыре года и обладал характером романтического танка, то есть пер напролом, но с выдумкой, время от времени являя окружающим доброту характера и бескорыстие, чем ошеломлял их до глубины души. Со своими небольшими чудачествами вроде отлучения Восьмого марта с обязательным огромным тортом,

испеченным на заказ, Вересаев был бы смешон, если бы не размах его причуд. На человека, попавшего в офис фирмы в праздник, пышные хризантемы, стоявшие через каждый шаг, производили неизгладимое впечатление, не говоря уже о декорированных стенах, а потому Степан Степанович вызывал не насмешки, а удивление, от которого был один шаг и до уважения.

– Коллеги, рад поздравить всех с праздником! – улыбнулся Вересаев, поднимая бокал с вином. – Вы знаете, я не любитель длинных тостов. Потому скажу просто – поздравляю нас всех с прекрасным днем!

Он на секунду встретился глазами с Безинской, сделал паузу, хотел продолжить, но вместо этого слегка поклонился и отпил из бокала. Со всех сторон послышалось: «Спасибо, Степан Степанович!», зазвенел хрусталь, раздался шум придвигаемых стульев, звяканье тарелок...

– Макар, передайте, пожалуйста, рыбу...

– Сонечка, еще вина?

– Разрешите, Оля, я вам помогу...

Смех все громче, глаза ярче, щеки краснеют, и дамы так очаровательны, а мужчины галантны, что даже Инга Андреевна смеется над шутками соседа, а не язвит в своем обычном стиле.

– Скорее бы увидеть торт!

– А мы уже видели!

Вересаев удовлетворенно созерцал подчиненных. Праздник проходил так, как он и задумывал. Никаких крепких спиртных напитков, никакой «обжираловки», как говаривал его отец. Все чинно, цивилизованно и очень красиво, начиная от цветов вокруг и заканчивая...

Взгляд Степана Степановича снова упал на Безинскую, которая в эту секунду внимательно слушала соседа, что-то нашептывающего ей на ухо, и Вересаев поспешно отвел глаза в сторону.

– Степан Степанович, ты что сидишь по-сиротски с бокалом? – пробасил Рекуров, уплетавший закуски за обе щеки. – Может, сыру?

– Нет, Вить, спасибо. Ты удивишься, но хочется сладкого.

– А-а... Бывает. А я, пожалуй, по рыбке ударю.

Скрипнули стулья, кто-то вышел из-за стола, кто-то продолжал есть... Возле столика, где выбирали музыку, разгорелся спор о вкусах, быстро завершившийся с приходом Оли Земко. Со словами «Мне попсу нельзя, у меня от нее токсикоз», Оля быстро выбрала диск, и в зале замурлыкал Армстронг, словно довольный кот.

Праздник шел своим чередом.

– Как ты думаешь, что в этот раз подарят? – спросила Людочка

секретаршу Анжелику, когда обе стояли перед зеркалом в туалете и синхронно припудривали лбы.

– Не знаю... – протянула Анжелика. – В тот раз были такие красивые бокальчики, а я один разбила.

В туалет заглянула Земко.

– Девочки, там скоро вручение подарков, а затем конкурс! Хватит красоту наводить, вы и так красивые!

Дождавшись, пока секретарша и Людочка-Рюшка уйдут, Оля встала перед зеркалом, внимательно оглядела свое бледное лицо с голубоватыми припухлостями под глазами, недовольно нахмурилась. Нет, она должна выглядеть хорошо! Достав косметичку, Земко торопливо замазала синеву и окинула себя мрачным взглядом. Тот, кто увидел бы ее сейчас, не узнал бы оживленную Оленьку, десять минут назад танцевавшую в банкетном зале.

Вересаев обвел глазами зал и решил, что пора вручать подарки, не дожидаясь отсутствующих. Все дамы, на беглый взгляд, были здесь, и потому Степан Степанович поднял свой бокал и легонько постучал по нему ложечкой. Раздался серебристый звон, заставивший всех умолкнуть, и в тишине Макар Илюшин незаметно выключил хриплого Армстронга.

– Уважаемые леди! – Вересаев шутливо поклонился. – Предлагаю перейти к самой приятной части нашего праздника. Все согласны?

– Согласны! Согласны! – зашумели вокруг.

– В таком случае...

Степан Степанович наклонился, собираясь достать из-под стола коробку жестом Деда Мороза, вытаскивающего из-за елки мешок с подарками – Вересаев имел слабость к театральным эффектам, – но осуществить задуманное не успел. Со стуком открылась дверь, и на пороге показался бледный Горошин. Очки он держал в руке, постоянно моргал, и весь вид его был потерянным и жалким.

– Степан Степанович, мне нужно с вами поговорить, – выпалил Анатолий Иванович.

Вересаев недовольно обернулся к нему:

– Не сейчас. Надеюсь, дело не настолько срочное, чтобы прерывать раздачу слонов?

– Нет, вы нужны мне немедленно, – сглотнув, твердо заявил Горошин. – Пожалуйста...

Сидящие вокруг стола начали переглядываться. Анатолий Иванович имел репутацию человека уравновешенного, хоть и рассеянного. Видеть его бледным, мнущимся на пороге, было странно.

– Анатолий Иванович, с вами что-то... – начала было Анжелика, но Горошин решительно взмахнул рукой, и очки, сверкнув, описали в воздухе полукруг.

– Со мной все в порядке, – сказал он и настойчиво повторил: – Прошу вас, Степан Степанович!

Вересаев кивнул и вышел вслед за аудитором, кивком головы позвав за собой Рекурова.

После их ухода наступила тишина, в которой раздался тонкий голос Людочки Ерофеевой:

– А я словно чувствовала, что сегодня что-то случится! Честное слово! Макара, вы мне не верите?

– В чем дело? – сухо спросил Вересаев, закрывая за собой дверь кабинета. Он был раздражен и обеспокоен одновременно, поскольку вручение подарков было сорвано, но у Горошина явно имелись на то серьезные причины.

Анатолий Иванович потер виски пухлыми пальцами, вскинул на директора маленькие близорукие глазки.

– Сегодня я купил жене подарок на день рождения, – тихо, но внятно выговорил он. – Ожерелье из белого золота, красивое и дорогое. После покупки я показал его нашим дамам – тем, кто работает со мной, затем спрятал в портфель. После этого я не выходил из кабинета.

– Черт возьми, – выругался Рекуров, понявший, что скажет Горошин дальше.

– Перед тем как спуститься на банкет, я захлопнул дверь, – продолжил тот. – Так вот, я закрыл дверь, спустился вниз, в банкетный зал, никуда не выходил. Десять минут назад я вспомнил, что оставил в кабинете мобильный телефон, и поднялся за ним, а заодно заглянул в портфель. Ожерелья нет.

Вересаев сел в кресло и вздохнул.

– Вить, – начал он. – Позвони на охрану...

– Понял! – быстро отозвался Рекуров и поднял трубку телефона. – Сергей? Кто из сотрудников выходил из офиса после обеда? Никто? Ясно... Говорит, никто, – озвучил он Вересаеву, зажав трубку ладонью.

– Пусть никто и не выходит.

– Сергей, никого не выпускай, понятно? Да! Вот именно так! Да по любой надобности!

– Я знаю, что праздник... – Горошин наконец надел очки, покачал головой. – Но подарок...

– Анатолий Иванович, я вас прекрасно понимаю, – прервал его Вересаев. – Вы все сделали правильно. Карточки, в смысле – ключи от двери, есть только у тех, кто работает в кабинете?

– Да, – потерянно подтвердил тот. – У меня, Ерофеевой, Земко, Репьевой и Безинской.

– И запасная у охраны, – негромко добавил Рекуров.

Степан Степанович чуть заметно поморщился. Ой, как нехорошо...

– Делать нечего, – подумав, сказал он. – Давайте милицию вызывать.

Исполнительный директор снова потянулся было к телефону, но его остановил твердый голос Горошина:

– Нет. Я прошу вас не делать этого.

– Как? – не понял тот.

– Не надо.

И, видя, как непонимающе смотрят на него Вересаев и Рекуров, Анатолий Иванович снова потер пальцами виски.

– Я работаю в фирме шесть лет, – тихо сказал он. – Всех своих коллег знаю... очень хорошо к ним отношусь. Я понимаю, что кто-то из них взял украшение, тем более я его показывал, хвастался... Я сам виноват, конечно! Но ведь милиция приедет, все перевернет кверху дном, правда? Обыщет, найдет вора обязательно. Так?

– Так, – подтвердил Рекуров, не понимая, куда клонит аудитор.

– А я так не хочу, – закончил тот и жалобно посмотрел на Вересаева. – Вы понимаете почему?

Вересаев не сводил глаз с маленького толстенького человечка на стуле.

– Может быть, просто поговорить с ними? – умоляюще прибавил Горошин. – Я не могу представить, кто это мог бы сделать, но ведь ей необязательно признаваться, правда? Достаточно, чтобы та, кто взяла, просто выложила его... ожерелье... куда-нибудь... И все. И никто не узнает.

– Ну да, а потом все наши аудиторши будут волками друг на друга смотреть, – усмехнулся Рекуров, поняв замысел Анатолия Ивановича. – Нет, так не пойдет.

– Да, и в самом деле, – понурился тот. – Я не подумал. Расстроился, честно говоря, ужасно...

«Кучу денег наверняка заплатил за украшение, – подумал Вересаев. – В портфель положил. Хвастался. Бедолага».

– Ваш план, Анатолий Иванович, ничего не даст и по другой причине, – вслух сказал он. – Я уверен, что та из дам, кто... – он запнулся на слове «украла», – позаимствовала ваше ожерелье, не хранит его при

себе, а припрятала где-нибудь в здании. Наверняка она предусмотрела, что вы обнаружите пропажу до ухода из офиса, вызовете милицию и всех обыщут.

– Вы думаете? – встрепенулся Горошин. – Так, значит, тем более нет необходимости в милиции! Достаточно нам самим найти ожерелье...

Он замолчал, поскольку Вересаев покачал головой:

– Слишком сложно. На двух этажах спрятать украшение можно в десятке мест.

– А я ведь предлагал камеры установить, – проворчал Рекуров.

– А я говорил, что камер у меня в офисе не будет, – в тон ему ответил шеф. – Ладно, попробуем обойтись своими силами. Но имейте в виду, Анатолий Иванович, я не собираюсь покрывать воровку. Или мы сами ее найдем, или это сделают профессионалы.

Горошин молча кивнул.

Когда шеф вернулся в банкетный зал, голоса, и без того негромкие, стихли.

– У меня для вас неприятное известие, – без предисловий сухо сообщил Вересаев. – Из портфеля Анатолия Ивановича пропало дорогое украшение – кольцо из золота.

– Белого, – зачем-то добавил понурый Горошин.

– Белого, – согласился Степан Степанович. – Я собираюсь помочь Анатолию Ивановичу найти его, а до тех пор выйти из здания, к сожалению, ни у кого не получится.

– Как?! – ахнула Анжелика, и непонятно было, к чему относится ее восклицание.

– Охрана не пропустит, – пояснил Рекуров сзади. – Пока не найдем, никто отсюда не выйдет.

Никто не задал ни одного вопроса. Четыре женщины переглянулись, но внимательно наблюдавший за ними Вересаев не заметил на их лицах ничего, кроме неприятного изумления.

– Земко, Ерофеева, Репьева и Безинская, пройдите к моему кабинету, будьте любезны, – приказал он и проводил вышедших из банкетного зала дам тяжелым взглядом.

Разговор с дамами-сотрудницами ничего не дал. Собственно, Вересаев и не ожидал иного, однако он испытал редкое для него чувство неловкости, когда, еще раз обрисовав ситуацию, предложил виновной сознаться и в ответ после непродолжительного молчания получил резкий выговор от

Безинской.

– Прекратите играть в эти игры, пожалуйста, – высокомерно проговорила она. – И не смотрите на меня так, будто ждете, что я сейчас начну рыдать и во всем признаваться. Не начну.

Степан Степанович хотел оправдаться, поскольку не ожидал от Маргариты Анатольевны ничего подобного, но тут раздался скрипучий голос Репьевой:

– Насколько я понимаю, вы хотите нас обыскать. Где можно раздеться? Людочка шмыгнула носом.

– Да не хочу я вас обыскивать! – не выдержав, повысил голос Вересаев. – Вы же не круглые идиотки, чтобы держать украшение при себе! Я имею в виду, одна из вас...

– Почему вы так уверены, что это именно одна из нас? – спросила Оля Земко, воинственно выпятив вперед подбородок. – Кабинет мог открыть кто-то из охранников.

– Во-первых, никто из охранников не покидал пост с того момента, как начался банкет, – вступил в разговор Рекуров, молчаливой тенью стоявший за креслом генерального. – Во-вторых, об ожерелье, к сожалению, не знал никто, кроме вас.

– А где Горошин? – неожиданно спросила Людочка. – Я хочу ему в глаза посмотреть! Он все затеял, пусть сам и расхлебывает! А мы-то здесь при чем?!

Голос ее стал приобретать истеричные нотки, и Степан Степанович на секунду прикрыл глаза. Действительно, черт бы побрал этого Горошина с его доверчивостью.

– Анатолий Иванович ждет за дверью, – хмуро сказал он. – И только благодаря его уговорам я до сих пор не вызвал сотрудников правоохранительных органов, поскольку господин Горошин категорически против того, чтобы одну из вас выводили отсюда в наручниках. Я прояснил данный вопрос, Людмила Ивановна?

Рюшка притихла. Вересаев понимал, что про наручники сказал сущую ерунду, но это подействовало: дамы оценили угрозу.

– Сейчас сюда придет старший смены, – сообщил он веско, – и мы с ним вместе пойдем и выясним, кто из вас и куда ходил в тот промежуток времени, когда пропало украшение.

– Но... в здании ведь нет камер, – робко сказала Оля. – Только снаружи...

Рекуров закатил глаза. Бабы, что с них взять!

– Магнитные карточки пока никто не отменял. – Вересаев покосился

на исполнительного директора. – Мы считаем с компьютера безопасников данные о том, где они использовались. Дальнейшее понятно? Отыскать ожерелье – только вопрос времени. Поэтому я последний раз спрашиваю: кто-нибудь из вас хочет сообщить мне то, что поможет быстрее найти пропажу?

В кабинете стояло молчание.

– Очень жаль, – искренне сказал Вересаев, покосившись на живот Оли Земко. – Сударыни, прошу вас пока подождать в моем кабинете.

– Я в туалет хочу, – жалобно сказала Земко. – Можно?

Рекуров снова закатил глаза, Степан Степанович выругался про себя.

– Разумеется, можно, – стараясь не цедить слова, а выговаривать по возможности мягко, сказал он. – Послушайте, ситуация для меня так же неприятна, как и для вас, но...

Он собирался сказать, что с вызовом милиции она станет и вовсе непереносимой, но не успел.

– Чушь собачья, – проворчала Инга Андреевна. – Не вас подозревают в краже, а нас. Так что идите и выясняйте, что вы там хотели. И заберите Земко с собой, пока она здесь не отличилась.

«Старая ведьма», – мелькнуло в голове Вересаева. Оля Земко, судя по взгляду, брошенному ею на коллегу, подумала примерно то же самое, но она сдержалась, молча прошла за Вересаевым и вышла из кабинета, оставив трех женщин вместе с Рекуровым.

Вересаев ходил туда-сюда возле женского туалета, чувствуя себя идиотом и ругаясь за то, что не догадался отправить с Земко охранника. Ему показалось, что прошло не меньше десяти минут, прежде чем смущенная женщина вышла в коридор. Отведя ее в кабинет, Степан Степанович, внутренне морщась от навязанной ему роли, позвал Горошина и вместе с ним спустился в кабинет сотрудников службы безопасности, или, как называли их в офисе, безопасников.

Лаконично обрисовав ситуацию Николаю, старшему охраны – высокому белокрысому парню с вечно сонным лицом, – Вересаев сел рядом с ним и уставился на монитор.

– Проблем здесь нема, – пожал плечами Николай, набирая пароль. – Смотрим... где, во сколько, кто именно... Ага, вот оно.

Горошин, сидевший на стульчике позади них, прищурился на экран, но ничего не разобрал.

– Распечатай, – распорядился Вересаев. – Можешь?

– Да опять-таки нема проблем, Степан Степанович. Вот, пожалуйста.

Вересаев пробежал взглядом столбцы цифр, коды...

– Мы сейчас на листочек выпишем, кто входил-выходил и во сколько, – успокоительно заметил Николай. – Всего четыре человека, на промежутке... сколько времени брать?

– Когда вы в последний раз проверяли, на месте ли кольцо? – обернулся Вересаев к Горошину.

– Я... я не проверял, – признался тот. – Убрал в портфель около двух часов... да, точно. А потом полез внутрь его в половине шестого, а конверта нет.

– Значит, с двух до половины шестого, – повторил Николай. – Да, прилично. Ну, поглядим, что получается...

Двадцать минут спустя слегка приунывшие Вересаев, Горошин и Николай посмотрели друг на друга, затем на исписанный лист. Картина вырисовывалась не такая простая, как казалось Степану Степановичу поначалу.

Уходя на банкет последним, Анатолий Иванович захлопнул дверь. После этого каждая из женщин возвращалась в кабинет: Николай показал, что три карточки использовались по одному разу, одна – два раза с промежутком в десять минут.

– Кто дважды возвращался в кабинет? – спросил Вересаев.

– Земко. Ее карточка открывала замок в пять ноль две и в пять ноль двенадцать.

– Зашла, что-то сделала, вышла... – пробормотал себе под нос Степан Степанович, – и вернулась обратно. Наверное, почти сразу после того, как вышла.

– Забыла, наверное, что-нибудь, – робко предположил Горошин.

– Наверное... Так что у нас дальше?

– Безинская дважды была в архиве: в два двадцать шесть и в три сорок восемь. Кто-то в зимний сад заходил... зачем, интересно? А, это Ерофеева. В два сорок. И все.

Зимний сад представлял собой помещение с огромными окнами, куда когда-то хаотично составили кучу растений в горшках, оставшихся от предыдущего владельца здания. Комнату обозвали зимним садом, и Вересаев давно собирался использовать ее в рабочих целях.

– Зимний сад, значит, – повторил он.

– Я слышал, кто-то из женщин собирался зайти в кабинет к юристам, – нахмурившись, припомнил Горошин. – Или не к юристам... Может быть, к аналитикам.

«Вынуть украшение из портфеля и иметь наглость спрятать его в

чужом кабинете? – задумался Вересаев. – Соблазнительно, конечно, но очень уж рискованно. Нет, вряд ли».

– Туалеты... – проговорил Николай.

– Что – туалеты?

– На уборных ключей нет, понятное дело, а женщины наверняка туда заходили. Причесаться там... подкраситься...

Мысль об элементарной возможности спрятать что-то в туалете не приходила Степану Степановичу в голову, и он рассердился на себя самого.

– Могла просто сунуть ожерелье в любой букет, и дело с концом, – буркнул он. – Мужик бы на это не пошел, понятное дело, но женская логика – дело такое... непредсказуемое.

Перспектива обыскивать весь офис встала перед генеральным директором во весь рост, и Степан Степанович уже хотел отказаться от идиотской затеи, но взглянул на Горошина, по привычке потиравшего дужку очков, и передумал.

– В общем, сделаем так, – распорядился он. – Одного из своих ребят, Николай, оставь на хозяйстве, а второй пусть идет с нами обыскивать помещения. Рекуров сидит с бабенками... Эх, нам бы еще одного человека.

– Макар Илюшин, – неожиданно предложил Анатолий Иванович, возвращая очки на нос. – Он славный мальчик, наверняка согласиться помочь.

У Степана Степановича были сомнения в том, что славный помощник юристов обрадуется перспективе обыскивать женский туалет, но выбора не было.

– Анатолий Иванович, вы, пожалуйста, позовите Илюшина, – решил он. – Попробуем обойтись им одним.

Макар сидел со всеми остальными сотрудниками в банкетном зале: после краткого выступления шефа уйти никто не решился, хотя Вересаев не ограничивал подчиненных в перемещениях по зданию фирмы. По дороге из зала в кабинет безопасников Анатолий Иванович, запинаясь через каждое слово, ввел его в курс дела.

– Я, признаюсь честно, пожалел сто раз обо всем, – закончил он, стоя перед дверью кабинета. – И о том, что купил, и о том, что показал. Думал сделать как лучше, а вот какая неприятность получилась... Похвастаться хотел! – в его голосе прозвучала горечь. – Теперь стыдно им, – он неопределенно махнул рукой в сторону кабинета Вересаева, – в глаза смотреть.

– Вам не должно быть стыдно им в глаза смотреть, – мягко сказал

Макар. – Вы-то в чем виноваты?

Анатолий Иванович вздохнул, покачал головой и взялся за ручку двери.

– Это вы по молодости, Макар, так думаете. А на самом деле я – виноватый.

В кабинете Вересаев коротко повторил инструктаж для Илюшина и второго охранника, выделенного Николаем для поисков ожерелья. Он уже собирался отправиться на поиски, но молодой белобрысый помощник юристов нарушил его планы.

– Я правильно понимаю, что нам предстоит обыскать туалет, зимний сад, коридоры и архив? – вежливо спросил он, не сделав и шагу к двери, хотя Николай, второй охранник по имени Валера и Горошин уже собрались выходить.

– Именно. В чем дело? – Степан Степанович с каждой секундой становился все злее, а потому вопрос только усугубил его раздражение.

– Во-первых, в этом списке не хватает кабинета аудиторов, – спокойно ответил Макар.

– Точно! – подал голос Николай. – Зашла в кабинет, вынула из портфеля, спрятала где-нибудь... в ящике... Или в сейфе.

Вересаев выругался себе под нос.

– Во-вторых, – с удивительной невозмутимостью продолжал Илюшин, – на осмотр всего, о чем вы сказали, Степан Степанович, у нас уйдет часа три, не меньше. И необязательно, что мы найдем пропажу, потому что среди нас нет профессиональных сыщиков, которые знают, как правильно искать.

– Чего искать-то, – осадил парня охранник Валера. – Разбить помещение на квадраты, и всех делов!

Макар бросил на Валеру короткий взгляд, в котором гендиректор явственно прочитал превосходство.

– У вас, Валерий Никитович, большой опыт в обысках? – небрежно поинтересовался Илюшин. – На один зимний сад уйдет полтора часа – вспомните, какой там бардак творится. Землю из всех горшков будем вытряхивать?

Валера промывчал что-то невнятное, но притих.

– Все сотрудники сидят в банкетном зале, – напомнил Макар. – Они так и будут там три часа сидеть?

– Надо – значит, будут, – не сдержался Николай, которого невозмутимость парня быстро вывела из себя. – Если ментов вызвать, отсюда вообще никто до утра не выйдет!

– Не надо ментов, – попросил Горошин.

– Не надо, – согласился Макар. – Мы и сами все найдем, если сузить круг поисков.

– Каким образом, интересно? – в голове Вересаева зазвучало неприкрытое ехидство. – Если вы, Макар Андреевич, только что его расширили, включив в список и кабинет номер пять.

– Вы сами никого не подозреваете? – спросил Илюшин у Горошина.

– Да что вы, Макар, мне и подумать страшно о том, кто мог...

Аудитор не закончил, но Илюшин понял, что тот хотел сказать. Если ты проработал в кабинете с коллегами несколько лет, то подозревать одного из них в краже очень противно.

– Понятно...

Илюшин прошелся по небольшому кабинету от стены до стены, бросил мельком взгляд на монитор. Николай и Валера, удивленные его непринужденностью, дружно воззрились на непосредственное начальство, сидящее перед компьютером, и во взглядах их читалось предложение устроить малолетнему молодому нахалу выволочку. Однако непосредственное начальство само с интересом наблюдало за передвижениями нахала по кабинету и, видимо, не собиралось карать его немедленно. Переглянувшись, охранники и Николай вернулись на свои стулья, а за ними как-то невзначай отошел от двери и Горошин.

– Четыре женщины, – вслух рассуждал Макар, лохматя и без того взъерошенные светлые волосы. – Одна видит ожерелье, решает его украсть. Мотивы нам сейчас не важны... Итак, она достает украшение из портфеля, прячет... Кстати, – он остановился посреди комнаты, – а кто их обыскивал?

– Их не обыскивали, – неохотно сказал Вересаев.

– Почему?

Парень изумленно воззрился на него, и Степан Степанович, прежде не обращавший на мальчишку особого внимания, в первый раз разглядел, что у того серые глаза – такие же, как у Безинской: не стального оттенка, а глубокого цвета, как вода в пруду.

– Мы подумали, что та дама, которая взяла ожерелье, обязательно спрятала бы его, – пояснил вместо Вересаева Горошин, – а обыск для женщин – это такое унижение... Нет, тогда уж и в самом деле лучше милицию вызвать.

– Хорошо, допустим, – нехотя согласился Макар. – Хотя я бы не исключал вариант, что ожерелье до сих пор у одной из них. Итак, женщина его берет, выносит из кабинета, решает спрятать, выбирает место. Она понимает, что вы, Анатолий Иванович, скорее всего, заглянете в портфель и

обнаружите пропажу, но она не знает, что вы не захотите вызывать милицию. А потому она должна спрятать украшение, но спрятать так, чтобы его в подходящий момент можно было вынести. Конечно, нельзя исключать вариант тупого воришки, – увлекшись, продолжал Илюшин, – который сунул бы ожерелье в первое попавшееся место, не думая, но для нас такой вариант совершенно неинтересен!

Он остановился, потому что Вересаев отчетливо хмыкнул.

– Прошу прощения, – смутился Макар.

– Ничего-ничего, рассуждайте дальше, – с легкой иронией сказал Степан Степанович. – Действительно, такой вариант неинтересен. То ли дело, если наша воровка все тщательно спланировала!

– Она не могла тщательно спланировать, – возразил Макар, – потому что у нее не было на это времени. Но просчитать вероятности могла и наверняка просчитала. Она же аудитор, у нее аналитический склад ума! И так, она предполагает, что всех задержат, обыщут, ничего не найдут и отпустят. А спустя некоторое время она вынесет ожерелье, и все.

– Если мы не найдем его раньше, – буркнул Валера, которому все меньше нравилось, что шеф с таким вниманием слушает мальчишку вместо того, чтобы пойти и найти наконец чертову цацку.

– Нет, – вдруг решительно сказал Илюшин, резко останавливаясь и чуть не наткнувшись на стул Вересаева. – Ничего подобного.

– Что значит «нет»? – возмутился охранник. – Найдем, конечно. Что тут искать: два этажа, восемнадцать кабинетов!

– Я не об этом. Я о том, что воровка была уверена: искать ожерелье мы будем сами. Она знала, что Анатолий Иванович не станет обращаться в милицию.

– С чего ты взял? – от удивления перейдя на «ты», спросил Вересаев.

– Нутром чувствую, – непонятно объяснил парень. – Поверьте, Степан Степанович: все дамы хорошо знают характер Анатолия Ивановича, и преступление было задумано именно с расчетом на то, что обыскивать помещения будут не оперативники, а мы. И что мы его не найдем, потому что не будем знать, где именно искать.

– И тогда вызовем ментов! – Николай покачал головой, потому что идеи парнишки казались ему совершенно безосновательными.

– Не вызовем, – себе под нос проговорил Горошин. – Не вызовем, – повторил он громче, заметив, что все смотрят на него. – Я так решил. В конце концов, это моя пропажа.

– Вот видите, – пожал плечами Илюшин. – И такую реакцию наша дама тоже просчитала. Она неплохой психолог.

– Анатолий Иванович, вы хотите покрывать воровку? – пренебрежительно осведомился Валера. – Зачем?

– Может быть, кому-то из них срочно понадобились деньги, и она не нашла иного выхода, кроме... – Горошин заморгал и стал похож на толстенькую сову. – И случай подвернулся... Я не могу представить, что кто-то из моих коллег окажется под следствием, даже если она и взяла мою вещь... без спроса...

Что-то очень детское прозвучало в его словах, и Валера с плохо скрытым презрением пожал плечами. Глупость, и больше ничего: если тебя обокрали, да еще и по-наглому, вора нужно найти и посадить, чтобы другим неповадно было. А не уси-пуси разводить.

– Я вас понимаю, Анатолий Иванович, – неожиданно сказал Вересаев. – Что же, получается, нас переиграли?

Валера и Николай промолчали. Горошин покачал головой, и непонятно было, согласен он с директором или нет.

– А вы что скажете, Макар Андреевич?

– Переиграли, если мы не найдем ожерелье, – подтвердил Макар. – Не будет же охрана каждый день обыскивать выходящих аудиторов. Это незаконно, в конце концов. Анатолий Иванович, а вам самому не обидно, что ваши слабости играют на руку воровке? Ведь она останется с вами в одном кабинете, вы будете видеть ее каждый день, гадать, кто сыграл на вашей порядочности. А другие женщины, не причастные к краже, испортят отношения друг с другом, потому что у них обязательно возникнут свои версии, и рано или поздно их озвучат, и получится нехороший скандал.

Голос Илюшина звучал убедительно, и Вересаев подумал, что сам бы он в подобной ситуации давно согласился с его доводами.

– Хитрая сволочь, – не сдержался охранник и получил тычок от Николая. – А что? Лихо прокрутила дело и теперь уйдет с побрякушкой.

– Анатолий Иванович, надо ее найти! – воззвал к Горошину Николай. – Правда, как будто в лицо плюнули...

Но Горошин снова покачал головой, и теперь стало ясно, что это значит.

– Ну, как хотите, – развел руками Макар. – Тогда я не вижу для нас никаких зацепок. Разве что...

Он задумался. Снова походил по комнате, затем взял со стола листок, на котором Николай записал, какие комнаты открывались аудиторами.

– Где умный человек прячет лист? – проговорил Илюшин.

– Где-где... – Охранник слегка растерялся, решив, что вопрос обращен к нему. – В холодильнике, должно быть.

– Почему в холодильнике? – поразился Степан Степанович.
– Потому что там можно все спрятать, – честно ответил Валера.
– Умный человек прячет лист в лесу. – Макар рассеянно глянул на охранника, и Вересаев понял, что идею с холодильником парень прослушал. – Так Честертон говорил, а он сам был очень неглупый человек.

– Психолог? – проявил осведомленность Николай.
– Не совсем. Впрочем, неважно. Итак, умный человек прячет лист в лесу. Наша воровка – умный человек? Наверняка. Даже если кажется глупой.

Поняв, к чему клонит Илюшин, Вересаев мысленно обежал глазами все здание.

– Люстра? – быстро предположил он. – Светильники? Аквариум?
Макар взглянул на него, что-то напряженно обдумывая.
– Вряд ли, – протянул он. – Анатолий Иванович, напомните, пожалуйста, в чем хранилось ожерелье. В коробочке?

– Нет. Коробочка показалась мне слишком безвкусной, и я переложил его в конверт.

– В конверт! – хором воскликнули Илюшин, Вересаев и Николай.
– Вспомните хорошенько, – торопливо сказал Илюшин, – ваши коллеги видели, что вы убрали украшение в конверт? Пожалуйста, вспомните, это очень важно!

– И вспоминать нечего. Видели. Я при них взял со стола плотный конверт, а потом засунул его в портфель.

Пристально глядя на Горошина, Макар прищурился и сказал, отчетливо выговаривая каждое слово:

– А если бы вам пришлось прятать конверт так, чтобы он не должен был бросаться в глаза, какое место вы бы выбрали?

Анатолий Иванович посмотрел на Вересаева непонимающим взглядом, и вдруг тень догадки мелькнула в глазах у обоих.

– Архив! – Степан Степанович опередил Горошина на полсекунды.
– Точно! – Макар азартно хлопнул ладонью по столу. – Вот наш лес! Готов прозакладывать зарплату за полгода – конверт в архиве!

Когда в помещении, где хранился архив документов, зажегся свет, охранник негромко присвистнул.

– Не свисти, денег не будет, – машинально заметил Николай, делая шаг вперед и пропуская вперед Илюшина.

Но на него вид стеллажей, заполненных папками, тоже произвел

впечатление. «Хорошо, если конверт здесь. А если нет?»

– Вы с Валерой берете на себя правый сектор, – приказал Вересаев, недолго думая, – я – средний, Анатолий Иванович с Макаром Андреевичем – левый.

И, не теряя времени, двинулся к шкафам.

Николай постоял в некоторой растерянности перед полками, но затем, приговаривая про себя «глаза боятся, руки делают», вынул крайнюю папку. «И что с ней делать? Внутри смотреть?»

Он пробежал пальцами по пыльным корочкам, вдохнул запах картона и старого клея, наклонил голову и прочитал даты на корочках. «Надо приступать», – сказал он самому себе, и тут из-за соседнего стеллажа раздался очень спокойный голос Вересаева.

– Я его нашел.

Николай замер на секунду, не веря своим ушам, а затем бросился к шефу. То же самое сделали и остальные и увидели Вересаева вертящим в пальцах ожерелье из серебристых веточек, на которых блестели капли – камни.

– Надо же... – проговорил Степан Степанович. – Даже в папку не спрятала, просто всунула конверт на среднюю полку. Наверное, торопилась.

Он протянул ожерелье Горошину, который взял его так бережно, словно капли могли стечь на пол.

– Кто? – выдохнул Валера. – Кто заходил в архив?

Мужчины подняли глаза друг на друга – все, кроме Вересаева: он и так помнил, кто дважды был в архиве.

– Безинская, – с сожалением признал Макар. – Маргарита Анатольевна.

Увидев Горошина, вошедшего в кабинет генерального директора с ожерельем в одной руке и конвертом в другой, все сидевшие вскочили. Кроме Оли Земко, положившей руку на живот и устало откинувшейся на спинку стула.

– Нашли! – Глаза Рекурова изумленно расширились, словно он не допускал и мысли, что их затея увенчается успехом.

– Нашли, – грустно подтвердил Анатолий Иванович.

– Где? Где нашли? – Людочка так и впилась глазами в шефа, не сводящего глаз с Безинской. Та держалась спокойно, но на ее лице на секунду промелькнуло странное выражение.

– В архиве.

Степан Степанович прошел за свой стол, уселся. Николай с Валерой остались стоять у дверей, словно боялись, что кто-то вздумает убежать. Илюшин собрался было присесть на подоконник, но вовремя опомнился и просто облокотился на него. На диване напротив ссутулился Анатолий Иванович, не выпуская украшения из пухлых пальцев.

– Ожерелье мы нашли в архиве, – сухо повторил Вересаев, и в комнате повисла тишина, в которой шмыгала носом Людочка. – Одна из вас заходила в помещение, где хранятся архивные документы. Маргарита Анатольевна, вам понятно, что это значит?

Земко с Ерофеевой перевели взгляд на Безинскую. Репьева поморщилась.

– Вы считаете меня виновной? – ровным голосом спросила та. – Почему? Разве только я могла спрятать там ваше ожерелье?

– Именно. Я вам только что объяснил: никто, кроме вас, не входил в архив.

Степан Степанович с удовлетворением заметил, что на сдержанном лице Безинской промелькнула тень растерянности.

– То есть... как, простите? – переспросила она. – Не может быть!

Николай прошел к столу, положил перед женщиной лист бумаги, ткнул пальцем.

– В два двадцать шесть – первое срабатывание вашей карточки, в три сорок восемь – второе. Только вы были в архиве дважды за последние четыре часа, и больше никто. А вы рассчитывали, что зайдет кто-то еще и это снимет с вас подозрения? – он усмехнулся. – Не выгорело. Остальные готовились к банкету, им не до архивов было.

Маргарита Анатольевна секунду смотрела на лист широко раскрытыми глазами, затем обернулась к Горошину, теребившему ожерелье. Она, казалось, собиралась что-то произнести, но вместо этого лишь скривила губы.

– Одного не понимаю, – чуть удивленно произнес Вересаев. – Зачем? Неужели ради десяти тысяч долларов?

– Действительно, не понимаете, – высокомерно подтвердила Безинская. – И никогда не поймете.

Она встала, оглядела сидящих в комнате, задержавшись взглядом на Илюшине.

– Я могу идти? – безразлично-бесстрастно осведомилась она. – Не будете же вы вызывать милицию... Это было бы глупо и смешно.

Поскольку никто не ответил, Безинская неторопливо пошла к двери. Валера с Николаем расступились, и Маргарита Анатольевна уже потянула

на себя ручку двери, но ее остановил скрипучий голос.

– Чепуха! – проговорила Инга Андреевна сердито. – Риточка, что за ерунда, право слово!

Изумленная Безинская, впервые услышавшая, чтобы ее назвали Риточкой, обернулась и встретилась глазами с Репьевой.

– Ничего не понимаю, – проворчала та, морща нос, – но совершенно очевидно, что вы здесь ни при чем.

– Действительно, Маргарита Анатольевна! – Оля Земко вдруг словно проснулась: стукнула ладонью по столу и устремила негодующий взгляд на Вересаева. – Как вам всем не стыдно! – звонким голосом сказала она. – Маргарите Анатольевне не нужно ожерелье! Это не она! Как вы могли поверить?!

Людочка молчала и только таращила глуповатые глаза.

– Девочки... что вы... – голос Безинской дрогнул.

– Хватит! – Инга Андреевна рывкнула таким командирским тоном, что Николай с Валерой вытянулись по струнке. – Не распускать нюни! Почему вы им ничего не объяснили?

– А что я им объясню? Что?! – почти выкрикнула Безинская. – Я заходила в архив только один раз – вечером! Днем меня там не было! Ну и что?

– Позвольте-позвольте, – встрял Макар. – Один раз?

– Да, один раз! – Маргарита Анатольевна обращалась к нему, но при этом вызывающе смотрела на Степана Степановича. – Взяла документы по старому делу, хотела перепроверить кое-что. Это было незадолго до начала банкета, я торопилась – мне хотелось убедиться, что там все в порядке, чтобы не думать об этом весь праздник.

Макар с сомнением смотрел на Безинскую, и женщина раздраженно дернула подбородком.

– Я не буду оправдываться перед вами. Это унижительно! Оленька, Инга Андреевна, – голос ее потеплел, – спасибо вам.

Она снова повернулась, и в комнате все одновременно заговорили. Что-то протестующее высказал Вересаев, пискнула Людочка, спросил о карточке Николай, ему на заднем фоне ответил Валера, а Горошин только переводил беспомощный взгляд с одного на другого. Ожерелье в его руках посверкивало каплями на тонких ветках. Макар уставился на украшение и почувствовал, что в голове его вертится что-то неуловимое... неуловимое, очень близкое... то, что обязательно нужно было поймать.

«Ветки... ветки на деревьях... деревья... листья... Листья!»

– Листья! – очень громко сказал он. – Листья, черт возьми!

Все затихли, и только Валера продолжал бубнить что-то о карточках и о том, что компьютер не обманешь.

В голове у Макара проносились мелкие детали прошедшего дня, складываясь в картину, и каждый в этой картине занял свое место. Только одно оставалось для Илюшина не совсем ясным, но он ощущал, что разгадка где-то очень-очень близко, в той детали, которая на первый взгляд кажется самой незначительной из всех.

Он снова бросил взгляд на ожерелье, и ответ появился сам. Такой очевидный, что Макару оставалось только удивиться, как он не понял основного замысла раньше, и восхититься безупречно реализованной идеей. Почти безупречной. И почти реализованной.

– Какая наиболее часто цитируемая фраза из Честертона наиболее часто цитируется? – спросил он, обращаясь к ближайшему человеку.

Ближайшим этим человеком оказалась Людочка Ерофеева. Макар понял, что от нее ответа ожидать бессмысленно, но Людочка внезапно для него ответила, не задумываясь:

– «Где умный человек прячет лист? В лесу».

Секунду Илюшин смотрел на нее, затем кивнул:

– Правильно. Кстати, откуда вы это знаете?

– Люблю детективы, – пожал плечами Людочка. – Особенно старые.

– И я люблю. Только очень редко перечитываю. – Он улыбнулся слегка виновато, будто извиняясь за то, что редко перечитывает детективы. – И Честертон, кстати, я никогда не стал бы перечитывать. Он хороший писатель, здесь не поспоришь, но далеко не из самых моих любимых, потому и не стал бы.

– При чем здесь Честертон? – спросил Вересаев, искренне пытаюсь понять.

– При том, что самая известная фраза из него – про лист, который умный человек прячет в лесу.

– А если ему нужно спрятать мертвый лист, он сажает мертвый лес, но при чем здесь это?

– Ни при чем, Степан Степанович. Нужна была только первая половина фразы, которая навела бы нас на мысль о том, где можно спрятать ожерелье. Потому что сами бы мы не догадались выбрать именно архив. Но мы должны были найти колье, причем там, куда его мог положить только один человек, чтобы его виновность казалась неопровержимой. Несколько простых действий, которые по отдельности, кажется, ни к чему не приводят, – и все получается, как задумано. Но ведь я не просил вас приносить мне Честертон, Анатолий Иванович. – Макар посмотрел на

Горошина и покачал головой. – Я не люблю брать чужие книги.

– Мы с вами разговаривали о детективах пару дней назад, за обедом, – напомнил тот.

– Да, – согласился Илюшин. – И вы рассказали мне о том, что у него есть несколько малоизвестных, но очень неплохих рассказов. И даже повернули беседу таким образом, что получилось, будто бы я прошу вас принести их мне. Но я не просил, правда?

– Я всего лишь сделал вам небольшое одолжение.

– Конечно. Только это было не одолжение, это был расчет. И довольно точный, я признаю. Если весь день человеку показывать рисунок со светофором, а затем попросить его назвать три цвета, какие он назовет?

– Красный, желтый, зеленый? – вопросительно произнесла Оля Земко.

– Да, вероятнее всего. А если утром предложить человеку детектив, в котором есть всем известный афоризм о том, как лучше что-то спрятать, а вечером привлечь его к поискам пропажи, что человек вспомнит в первую очередь? Правильно, этот афоризм. Я уверен, Анатолий Иванович, что именно вы настояли на том, чтобы я принял участие в поисках.

– Он, точно! – выкрикнул Валера, сделав шаг от двери.

– Сказал, что вы славный мальчик, обязательно поможете, – добавил его начальник.

– Очень, очень хорошо придумано и сыграно, – в голосе Илюшина звучало нескрываемое уважение. – Настаивать на том, чтобы не вызывать милицию, переживать за то, что мы оскорбим женщин своими подозрениями... Лично я полностью уверился в вашем благородстве. А из положения жертвы так удобно управлять ситуацией – не правда ли, Анатолий Иванович?

Горошин молчал, проводя пальцем по сверкающему украшению.

– Когда вы взяли карточку из сумки Маргариты Анатольевны? – спросил Макар. – Для этого вам нужно было, чтобы в кабинете никого не осталось. Как вы это обеспечили?

– И меня купил, – нехотя проговорила Инга Андреевна. – Я ведь только сейчас это поняла. Да, неплохо ты нас изучил, Толенька.

– Что значит «купил»? – не понял Вересаев.

– Девочки убежали торт смотреть, я осталась, – неспешно объяснила Репьева. – А наш Анатолий Иванович возьми да и намекни, что Анжелика беременна. Во мне, старой дуре, любопытство разыграло, и я побежала посмотреть, правда ли это.

– И что же? – Горошин смотрел на нее непонимающе.

– То, что кабинет остался в вашем распоряжении, – ответил за Репьеву

Макар. – Вы достали из сумки Безинской карточку, дошли до архива, открыли дверь, сунули конверт с ожерельем между папок, не потрудившись спрятать его как следует, потому что хотели, чтобы поиски не заняли слишком много времени. О конверте вы побеспокоились заранее, проявив тонкий художественный вкус, – Макар усмехнулся. – Хотя, если подумать, странная идея: убирать украшение не в коробочку, а в конверт. Даже если коробочка так оскорбляла ваше эстетическое чувство, в портфеле-то она вам ничем не мешала. Но коробочка была плохим листом, а вот конверт – хорошим, потому что для него нашелся подходящий лес. Далее все просто: вы обнаруживаете, что ожерелье исчезло, просите не вызывать милицию, подключаете меня. Я в нужный момент вспоминаю про лес, Степан Степанович находит конверт, и – пожалуйста – преступник разоблачен.

Илюшин показал на Безинскую, так и стоявшую посреди кабинета.

– У меня только один вопрос, – добавил он. – Вам ведь нужно было, чтобы Маргарита Анатольевна зашла в архив еще раз, на этот раз уже сама. Иначе она могла бы начать утверждать, что близко не подходила к архиву, и, чего доброго, нашлись бы свидетели, которые это подтвердили. Нет, так рисковать вы не могли. Но как вы убедили Маргариту Анатольевну зайти в архив? Загипнотизировали ее?

– Я поняла! – вдруг сказала Безинская. – Господи, я поняла!

Все взгляды обратились к ней.

– И в самом деле, до чего хорошо вы нас изучили. – Она изумленно покачала головой. – Я не собиралась идти в архив, но незадолго до банкета меня словно что-то кольнуло. Мне захотелось перепроверить отчетный период одного из клиентов, довольно непростого. А вам для этого всего-то понадобилось рассказать, что у вас много работы, потому что по две тысячи четвертому году всплыли какие-то недочеты, и вот вы решили перестраховаться, проверить все.

Макар рассмеялся и два раза хлопнул в ладоши.

– Здорово! – восхитился он. – Инге Андреевне вы говорите, что секретарша, кажется, беременна, и она послушно выходит из кабинета, а Маргарите Анатольевне оказалось достаточно намека на возможные проблемы по клиенту, который и так ее беспокоил, и она так же послушно идет в архив. У вас талант манипулятора, Анатолий Иванович, а вы аудитором работаете. Зря!

Горошин спрятал ожерелье в карман и негромко рассмеялся. Макар неожиданно осознал, что первый раз слышит смех Анатолия Ивановича. Тот часто улыбался, тихо посмеивался, и не больше того. Но сейчас он смеялся, и смех его был неприятным.

– Жаль, – сказал Горошин, отсмеявшись. – Так все хорошо задумал. Маленькая месть, не более. Как ты правильно сказал, Макар, она мне почти удалась. Ничего, что я на «ты»? Обращаться на «вы» к восемнадцатилетнему мальчишке, хоть и весьма неглупому, мне не хочется.

Он снова усмехнулся, и ничего растерянного или жалкого в его усмешке больше не было.

– Ну что же, милая моя Маргарита Анатольевна, мне остается утешать себя лишь тем, что я неплохо потрепал вам нервы. Хотя, конечно, это довольно мизерный результат по сравнению с тем, что вас должны были вышибить из фирмы. Точнее, вы бы ушли сами. Вы же у нас дама гордая, даже не стали доказывать свою невиновность! Кстати, если вам интересно, на это я тоже рассчитывал.

– Зачем?

Безинская сосредоточенно вглядывалась в лицо Горошина, словно пытаясь прочитать на нем ответ.

– Зачем? – Аудитор злобно сощурился. – Я хотел показать вам, дорогая, что нельзя безнаказанно издеваться над людьми.

– Я издевалась над вами? О чем вы говорите?!

– Забыли? Неужели? А как же ваше пренебрежительное «Я встречаюсь с мужчинами ниже меня ростом»? А? Или вы не понимали, что оскорбляете меня? Понимали, Маргарита Анатольевна, все отлично понимали! Но ведь вам обязательно нужно уколоть, ткнуть в самое болезненное место по извечной женской привычке, унижить! Не смотрите на меня так и не говорите, что не понимаете, как вы меня унизили! Но вы, наверное, думали, что маленький безответный Горошин не сможет ответить вам достойно. Ошибались, дорогая моя, очень ошибались! Когда вы потеряли бы хорошую работу с клеймом воровки, вот тогда вы бы вспомнили Горошина! «Ниже меня ростом»... Тьфу! Подумать только, а я в вас был влюблен!

Он вскочил, обошел Безинскую и направился к двери.

– Боже, какая зловонная куча комплексов, – брезгливо заметила ему вслед Репьева.

– Анатолий Иванович... – прошептала под нос потрясенная Оля Земко. – Ну как же так...

– Наполеон, говорят, такой же был! – сообщила Людочка. – Мстил всем знакомым женщинам, которые выше его.

«Новый год... начало марта... – быстро подсчитывал Илюшин. – Два с половиной месяца! Злопамятен оказался господин Горошин. Или же...»

– Сдается мне, что дело не только в оскорблении, – вслух сказал он, и

невысокий полный человечек резко обернулся к нему. – Одного оскорбления было бы недостаточно для составления такого плана. Вы, конечно, затаили обиду, но есть и еще кое-что, о чем вы деликатно умолчали, Анатолий Иванович. Наверное, потому, что стремление убрать конкурента не вписывается в образ оскорбленного мужчины.

– Какого конкурента? – фыркнула Репьева. – Макар, вы плохо представляете специфику нашей работы: у каждого свои клиенты, мы их не делим.

– Да, – согласился Илюшин, – я не очень хорошо представляю специфику вашей работы. Она мне и не нужна. Потому что дело вовсе не в дележке клиентов, не так ли, Анатолий Иванович?

– Расширение отдела... – вдруг догадалась Оля Земко. – Ну конечно!

– Вот именно. Об этом знаю даже я, хотя работаю в фирме не так давно. Значит, вы, господин Горошин, и подавно были осведомлены о предстоящем повышении одного из вас. Или одной.

– Одной, – тяжело бросил Вересаев. – Начальником отдела была бы назначена Безинская.

– Спасибо, я так и предполагал, – обернулся к нему Макар. – А если бы Маргарита Анатольевна по каким-то причинам ушла из фирмы?

– Тогда я назначил бы Горошина.

– Одним красивым выстрелом убить двух зайцев – и отомстить за обиду, и убрать претендента на стул начальника отдела... Вы можете собой гордиться, Анатолий Иванович.

Горошин ощерил зубы в улыбке, больше напоминающей оскал хорька.

– Могу, – подтвердил он. – Жаль только, что этого не оценили раньше. И жаль, что я чуть-чуть недооценил тебя, мелкий засранец, иначе быть бы тебе выставленным за дверь вместе с ней, – он кивнул на Безинскую, а затем сделал неприличный жест, который дико контрастировал с привычным всем обликом низенького безвредного недотепы. Сделал несколько шагов, пошел к двери и окрысился на стоявшего на пути Валеру, отчего охранник брезгливо скривился и отошел в сторону.

– А знаете, что еще я забыл вам сказать? – Голос Макара догнал Горошина у самой двери.

Тот остановился.

– Зря вы считали свой план хорошим, – покачал головой парень. – У него было одно слабое звено – вы сами. Потому что вы постоянно переигрывали, Анатолий Иванович, и очень сильно. Скажем, зачем нужно было каждый раз спотыкаться на пороге всех кабинетов? Ведь там нет ничего, обо что можно споткнуться, правда? А очки в фикусе?

Убедительная деталь, но только на первый взгляд. А если подумать, при каких обстоятельствах можно забыть очки в цветочном горшке... Ни при каких, правда? Когда я вспомнил про цветочный горшок и сопоставил его с цитатой из Честертона, все встало на свои места.

Лицо Горошина исказилось, он прошипел что-то невнятное и вышел из кабинета, сильно хлопнув дверью.

Когда гул голосов после его ухода стих, а расцелованный дамами Макар покраснел так, что стал похож на вареную креветку, Безинская сделала неожиданную вещь: подошла к Инге Андреевне и крепко обняла ее.

– С ума сошли?! – возмутилась Репьева, выдираясь из ее объятий. – Что за вольности? Обнимайтесь, пожалуйста, с кем-нибудь другим. Вот хоть с ним. – Она ткнула пальцем в Вересаева.

Задержав взгляд темно-серых глаз на генеральном директоре, Безинская чуть улыбнулась и покачала головой.

– Товарищи, товарищи! – вдруг пробасил Рекуров, ошеломленно молчавший последние двадцать минут. – Подарки так и не вручили! Все нас ждут в банкетном зале! Нехорошо, в конце концов!

– Нехорошо, – согласился Степан Степанович. – Пожалуйста, спускайтесь все вниз, а я сейчас подойду. Вить, я думаю, можно не скрывать произошедшее от сотрудников. Не вижу причин выгораживать Горошина.

– Понял, – кивнул Рекуров. – Жду внизу.

Толпясь в дверях, все, кроме Безинской, вышли из кабинета, и Вересаев некоторое время прислушивался к шагам в коридоре. Маргарита Анатольевна подошла к окну и разглядела внизу Горошина, торопливо удаляющегося от здания. На улице стемнело, и подтаявшие лужи казались черными следами, оставленными кем-то очень большим и неуклюжим.

– Мне было совершенно все равно, виноваты вы в краже или нет, – непонятно к чему сказал Вересаев. – Я хочу, чтобы вы мне верили.

Безинская повернулась к нему, не говоря ни слова.

– И я бы не дал тебе уйти, – прибавил Вересаев.

Спустя пять минут Макар Илюшин, вспомнивший, что в суматохе забыл на подоконнике карточку от своего кабинета, постучал в дверь и, не услышав ответа, приоткрыл ее и заглянул внутрь. То, что он увидел, заставило его покраснеть, закрыть дверь и забыть о карточке: генеральный директор фирмы «Вересаев и компания» Степан Степанович и Маргарита Анатольевна Безинская целовались так, будто были подростками, которых

хулиганские игры одноклассников вынудили уединиться в темной комнате.

«Завтра попрошу у охраны запасную карточку, – размышлял Макар, спускаясь по лестнице на первый этаж. – Четыре мужа... подумаешь, будет пятый! Зато его не нужно выводить в люди».

– К тому же у меня остался редкий Честертон, – подвел он итог выгодам сегодняшнего происшествия, рассмеялся и пошел туда, откуда доносились оживленные голоса.